

[Handwritten notes on yellowed paper, partially obscured by other documents]

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности _____
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 10 классов
3. Национальность В. Бурят.
4. Год рождения 1925
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1940
6. Каким военкоматом призван, Зиминский
Дороговоисполкомат
7. Специальность до призыва Углубленная

У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ СВОЁ ИМЯ

**МАЛЕНЬКИЙ ВИНТИК
БОЛЬШОЙ БЕДЫ
И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

IV. Вещевое имущество

Наименование вещей	Кол-чество		ВРЕМЯ			
	Выдано		Выдачи		Сдачи	
	Выдано	Слано	Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
Куртка	1					
Поясок	1					
Куртка (вещмешок)	1					
Гарнитура	1					
Куртка для ручн.	1					
Гранат	1					
Куртка	1					
Куртка	1					

Наименование имущества и вооружения	Кол-чество		ВРЕМЯ			
	Выдано	Слано	Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
Винтовка № 5320	1					
Лейтиса № 20127	1					
Гранат	1					
Сабля № 461978	1		1942	7.18		
Куртка № 8827	1		1942	7.18		

ПРИМЕЧАНИЯ
1. Номера винтовки, противоплава и других предметов вооружения проставляются в графах "Год" и "Месяц и число" (в графах "Сдача").

11

[Large section of handwritten text on aged, stained paper, mostly illegible due to fading and bleed-through.]

ГЛАЛОВ
ул. Малышевская 9. № 8
Бурушнуучи
Стаминград 3 1/4 133 13 1/2 НКВД

[A circular red stamp is partially visible in the background of this note.]

II. Прохождение службы

Часть, подразделение, занимаемая должность и звание	Месяц и число	Год и № приказа	Расписка командира роты
240.сп. урл. в сапм Радис, Мухом	1/4/48		
271 дивизион Волжеск кин с.п. Болехова Бали. 76 ч. муним. кр. в. радис-	9/14	1948	

[A circular red stamp is visible at the bottom left of this section.]

«Если люди закроют глаза на то, что здесь произошло, чернейшая ночь падёт на мир. Но с Б-жьей помощью мы, живые, внемлем сему уроку».

Альфред Хичкок,
кинорежиссёр, - о деяниях фашистов
во время Великой Отечественной, Второй мировой войны.

Здравствуй! Здравствуй!

Мы с тобой никогда не были знакомы. А ведь могли бы стать родственниками. Нам не суждено было встретиться. Ты был для меня недосягаем. Таким и остался. Теперь я немного знаю о тебе. Для тебя же я никогда и не существовала.

Что же мне ведомо? Ну, прежде всего, у тебя два имени. Официальное – Идель. Для семьи, и ты сам называл себя так, - Юлик. До сих пор близкие продолжают называть тебя этим именем. Вот и выходит, что ты - Идель, Юлий Нисонович Гуршпун.

Что мне известно? Тебя призвали в Красную Армию сразу после окончания школы. Мне было всего три года, ты же успел побывать на финском фронте. А когда немецкие фашисты без объявления войны напали на Советский Союз, тебя, вместе с другими, перебросили на борьбу с врагом в этом направлении. Ты так и не успел приобрести никакой профессии. Официально так и записано: «Специальность до призыва – учащийся».

Что ещё мне известно о тебе? Вначале ты был стрелком 270-го полка, шестой роты второго батальона ВНКВД, а затем радистом семьдесят шестого батальона 271-го Нижневолжского полка.

В соответствии с условиями того времени, как записано в твоей красноармейской книжке, тебе было выдано: один ремень поясной, один ремень брючный и один ремень ружейный. Это твоё вещевое имущество. Что касается вооружения и технического имущества, то за тобой числилось: винтовка под номером 5830, противогаз за номером 0827, один пенал, один ёршик, одно лезвие, одна протирка, одна маслёнка, револьвер за номером 461918. Как сообщает всё та же красноармейская книжка, всё было возвращено, когда пришёл свой срок.

Откуда мне это известно? Нет, я не ясновидящая. И не экстрасенс. Так случилось, что спустя более семидесяти семи лет после начала Великой Отечественной войны ко мне попали твои письма. Я смотрю на них, читаю и перечитываю, боясь лишним движением навредить им, и безмерно волнуюсь. Пожелтевшие, выгоревшие от времени, местами почти истлевшие – реальные свидетели той поры, той беды и истории не только нашего народа, трудной победы, до которой многие не дожили.

Но давай, по порядку. Грандиозное побоище, без объявления войны, на территории Советского Союза началось 22-го июня 1941-го года. 7-го июля вся твоя семья эвакуировалась из г. Винница, что на Украине, за Урал, в г. Чкалов. Кроме твоего отца, Гуршпуна Нисона Шмерелевича. Он был коммунист, ему, вместе с небольшой группой, было дано задание до прихода немцев взорвать типографию, в которой до этого он работал. Задание было выполнено, и на последнем поезде он успел уехать в том же направлении, что и его семья.

Были ли письма от тебя в тот период и о чём ты писал, не знаю, - у меня нет никаких свидетельств.

Враг наступал стремительно. Моя семья вскоре, как уехали твои родители, оказалась в Ильинецком гетто, в шестидесяти километрах от твоей Винницы. Большинство местного населения, как будто бы ждали этого часа, присоединилось к фашистам. Начались грабежи. К нам в дом ввалилась озверевшая толпа и стала хватать всё, что попадало под руку. Сопротивляться было бесполезно: на табурете сидел немецкий офицер и, молча, наблюдал за всем. Я, четырёхлетняя, держась за маму, тоже смотрела на всё, что творилось вокруг. Одна женщина нахватала столько, что не могла унести всего, но отказаться ни от чего не хотела. Тогда она подошла к моей маме и сказала, что ей должен помочь донести всё до её деревни мой брат Яша, тремя годами старше меня. Мама не согласилась. Женщина обратилась к немцу – он разрешил. Братик вернулся домой поздно вечером. Что было на душе у мамы, можно только предполагать и догадываться. А между тем толпа продолжала грабить и бесноваться. Передрались. Немец зарычал и выстрелил в потолок. Испугалась не только я, но и грабители. Разбежались. Дальше начал орудовать сам фашист...

Через несколько дней собрали самых умных, самых активных, деятельных мужчин-евреев. К ним присоединили директора не то школы, не то техникума. Русского человека, выступившего против фашистов. Всех расстреляли. Сорок один человек покоится теперь в братской могиле.

Так начиналась для нас война.

А что же у тебя? Были ли от тебя письма до этого? Но вот первое твоё письмо родителям, сестричке Кларочке, дошедшее до меня и датированное десятым октября сорок первого года.

Видимо, нельзя было писать обо всём. Хотя, возможно, ты и не хотел огорчать родных. Текст всего на одной страничке. Не всё уже удаётся различить, прочитать. Но вот строки поярче: «Единая мысль о нашей победе движет нами во всём. Всё будет в порядке. Будьте мне здоровы и счастливы. Ваш сын Юлик.».

Письмо от 5.11.41-го года. Оно пространнее и между строками можно прочитать гораздо больше. Вот оно, ещё читаемое: «Дорогие мои, в отношении посылки денег или посылки, прошу вас не беспокоиться, ибо я всем обеспечен кругом. И обиды не может быть. Наоборот, какие средства. У меня есть в излишке или точнее: во время, которое мы переживаем, ОТДАЁМ ВСЁ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА (выделено – авт.), ограничивая себя от вещей, вполне понятных в мирное время. Всё это делаю ДОБРОВОЛЬНО И С БОЛЬШОЙ ЛЮБОВЬЮ. Обещаю вам, мои милые родители, если понадобится, отдать жизнь за наше правое дело.

Дорогие мои, несомненно, что мы ещё встретимся в счастливое время.
Очень прошу вас не беспокоиться за неточное прибытие писем. Ибо время военное.
Обещаю писать вам часто. О вас я никогда не забываю. Всегда и везде вы мысленно со мной.
Пишите.
Будьте мне живы и здоровы.
Целую вас крепко, крепко.
Ваш сын Юлик.
Привет родным.»

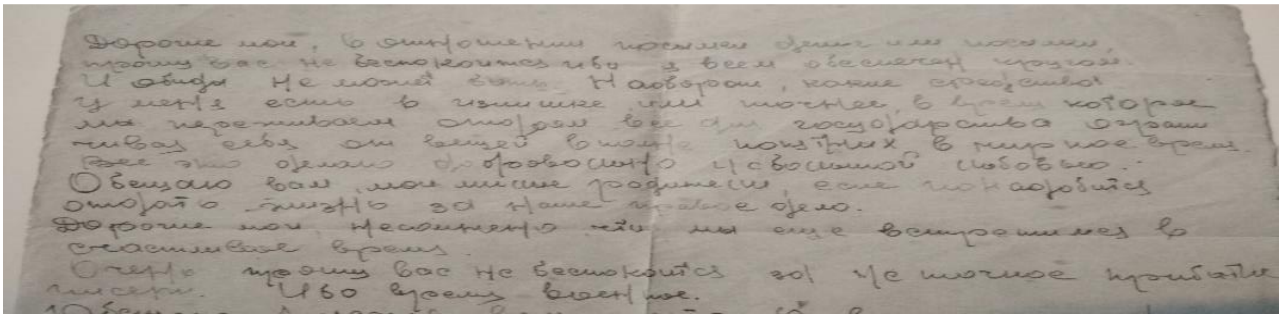

Фото оригинала письма (Михаль Бронштейн)

Сколько тепла, заботы, нежности, попытки и сообщить, и скрыть истинное положение дел, дабы не тревожить и поддержать самых близких и дорогих людей. Представляю, как у тебя на самом деле болела душа в это время.

Следующее письмо, дорогой Идель-Юлик, ты написал 24 декабря того же, сорок первого года. И опять более семи с половиной десятков лет сделали своё дело: в основном едва различимые слова, но, как всегда, ободряющие: «Дела у меня хорошие. Каждый день слушаю радио. Каждое сообщение радует меня. Обо мне не беспокойтесь. Всё будет в порядке...»

Дорогой Юлик, ты намеренно, или по цензурным обстоятельствам, а быть может, и не владея истинной ситуацией (да и мог ли солдат знать это), не обо всём писал своим родителям. А что же на самом деле происходило на фронтах сражений?

Вот сводка Совинформбюро от 2.11.41-го года: «... 2 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточённые бои происходили на крымском участке фронта.»

Что же происходило за пределами этих строк? Знал ли ты об этом?

Время было критическое, враг занимал территорию за территорией и торопился покорить страну до наступления холодов. 19 октября сорок первого года в Москве было объявлено осадное положение. Во второй половине октября 11-я немецкая армия прорвалась в Крым и к середине ноября захватила почти весь полуостров. Советским войскам удалось удержать только Севастополь.

Трудное испытание для всей страны продолжалось. Вряд ли ты, Юлик, был знаком с этим человеком, но он тоже служил в НКВД. Он был в звании майора, начальником особого отдела при 50-й Армии. Погиб 20 октября сорок первого года при попытке выбраться из окружения. Не уверена, что он писал домой иные письма, чем ты. Однако вот запись в его дневнике, который в дальнейшем был переведён в немецкой армии для военного анализа (оригинал утерян):

«14.10.41-го г. Жутко. Я брожу. Вокруг трупы, ужасы войны, непрерывный обстрел. Вновь голодный и без сна. Забрал бутылку спирта. Пошёл в лес на разведку. Наше полное уничтожение налицо. Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у костра. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась».

Вряд ли тебе, Юлик, было известно, что в 1941 году Красная Армия потеряла, по разным сведениям, от полутора до двух с половиной миллионов солдат убитыми и около трёх миллионов пленными. Как сообщается в Хронике Великой Отечественной войны (Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. День за днём.), количество погибших гражданского населения точно не установлено, но исчисляется миллионами. Потери немецкой армии – около 200 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести.

Тем не менее, дорогой Юлик (хотя мне больше нравится твоё другое имя – Идель), когда 29 октября Г.Гудериан (2-я немецкая танковая Армия) попытался взять Тулу, он был отбит с большими для себя потерями. А в начале ноября новому командующему Западного фронта Г.К Жукову неимоверным напряжением всех сил и постоянными контратаками удалось, несмотря на огромные потери в живой силе и технике, остановить немцев и на других направлениях. Общая ситуация начала меняться.

Безусловно, ты не мог знать обо всём этом, но ты один из тех, кто находился в гуще всех этих событий, отдавая всё, чтобы только прогнать врага. В любую минуту, не оглядываясь, ни о чём не сожалея, ты был готов отдать свою жизнь, только бы выжило Отечество, только бы были живы родные. Ты доверял сводкам Совинформбюро и радовался каждой весточке. А как же по-другому? Ведь тебе в ту пору было всего девятнадцать лет. А на всю страну шли вот такие вести:

Совинформбюро от 6.11.41 г.: «В течение 6 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах».

Совинформбюро от 7.11.41 г.: «В течение 7 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах».

Совинформбюро от 26. 11.41 г.: «В течение 26 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточённые бои происходили на Волоколамском и Сталинградском участках фронта.».

Что касается последнего, Сталинградского участка фронта, то тебе рассказывать не надо было о том, что там происходило, - ты сам участвовал в этом, доселе миру не ведомом побоище. На всех твоих последующих письмах родным будет значиться обратный адрес: « Сталинград 5, п/я 135. В/ч НКВД. И. Гуршпун».

Фото оригинала конверта (Денис Краснов)

А между тем, Юлик, и ты знаешь это лучше меня, хотя и меня она тоже коснулась, наступила зима, жёстко распоряжаясь судьбами, ситуациями, а в итоге и результатами сражений. И вот уже командующий 2-й танковой армии Гейнц Гудериан шлёт сообщение в Берлин: «17 декабря (1941-го года – автор) ... наши наличные силы недостаточны для того, чтобы организовать стойкую оборону восточнее Оки. Генералы доложили, что войска начинают сомневаться в способностях верховного командования, которое отдало свой последний приказ о наступлении, оценив при этом возможности противника совершенно неправильно. Если бы мы обладали своей прежней маневренностью и боеспособностью, выполнение этого приказа ничего бы не стоило. Русские хорошо снаряжены и хорошо подготовлены к зиме, а у нас ничего нет» (Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. День за днём.).

В 138-й день войны, 6 ноября сорок первого года тот же Гудериан пишет: «Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное. Наилучшие пожелания терпят крах из-за стихии. Единственная в своём роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается всё быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда-либо возвратиться».

Таков, Юлик, в это время был взгляд на ситуацию одного из руководителей войск противника. Вот и вышло, что русская матушка-зима не в первый раз была за Россию, за её народ. Но ты же хорошо знаешь, что не только климатические условия сыграли ведущую роль.

Это подтверждает и твоё письмо, написанное и отправленное родным накануне очередной годовщины создания Красной Армии уже в следующем году. Воспроизвожу его полностью:

«Добрый день, мои дорогие родители и родные!

Дорогие мои, могу вам писать, что я жив и здоров. Дела у меня хорошие. Всё в порядке. Обеспечен я всем. Ваши письма, которые приносят мне много радости, силы и счастья, я получаю часто. Сердечно вам благодарен за повседневную материнскую заботу и внимание, которые вы проявляете к горячо любящему вас сыну, защитнику Родины.

Ответом на это - обещаю вам, как ваш сын, моим дорогим матери и отцу, всегда, везде и всюду быть преданным матери-Родине и не жалеть сил и жизни для уничтожения её врагов. Тот, кто вырастил, воспитал меня в чувстве великой преданности Родине, всегда рядом со мной. И расстояние между нами для меня не велико, ибо мы связаны тёплой перепиской. Всего только несколько дней могут отделять одну почту от другой. Я знаю, что должен выполнить долг сына перед родителями.

Сегодня 22. 02. 42 года, канун 24-й годовщины нашей славной Красной Армии, которая так героически сдержала натиск немецких бандитов, а сейчас героически гонит врага... Наша общая надежда сбудется...».

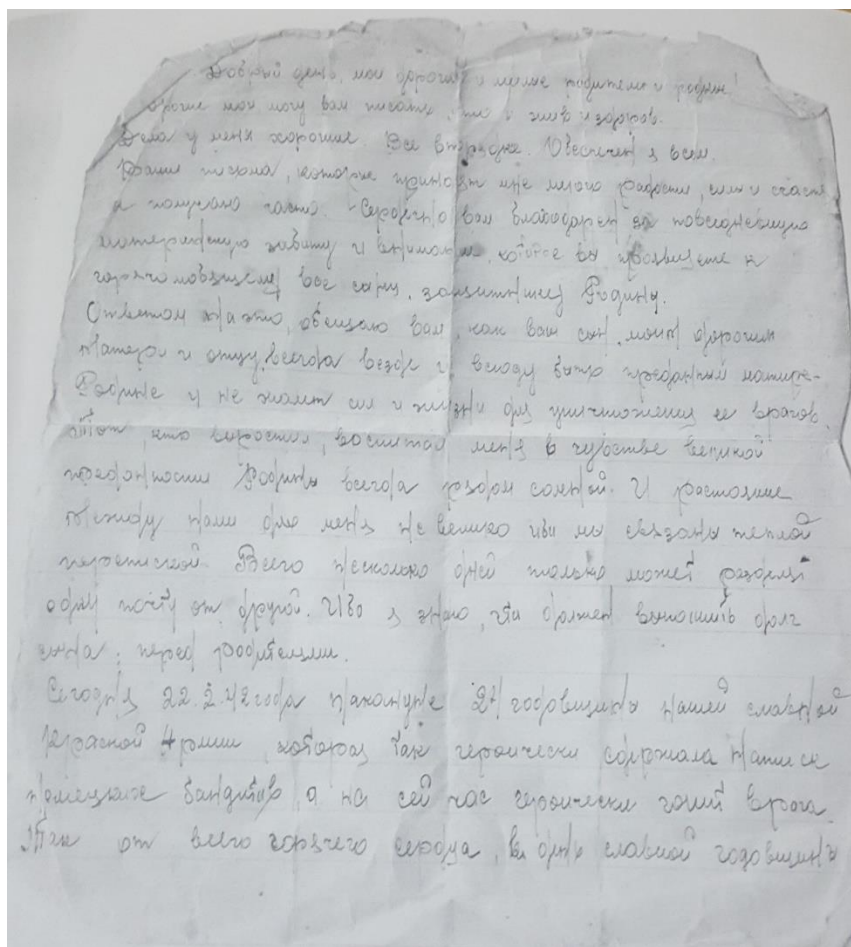

Фото оригинала письма (Денис Краснов)

Далее нет продолжения. Не знаю, то ли оно утеряно, то ли настолько выгорело, что решили не присылать мне. Но и в этом отрывке видно, как велико желание выстоять, победить, прогнать врага и что придавало сил поддерживать это стремление. Однако тревога о том, как прижились твои родные на новом месте, Юлик, не оставляет тебя. И вот в письме от 5 февраля сорок второго года ты пишешь:

«... Папа, рад, что ты приступил к новой работе в типографии. Надеюсь, что у тебя работа будет так же спориться, как дома, и ты сумеешь своим честным трудом помочь государству и своей семье.

У меня никогда не было сомнений, что в результате твоей работы семья будет обеспечена первым необходимым.

Нашей жизнью движет огромная сила, это большая единая надежда на нашу скорую полную победу над коварным врагом. Мы идём всё вперёд и вперёд, коварный враг бежит и теряет голову. Скоро он будет разбит, и мы вместе вернёмся в наш родной край и заживём радостной жизнью...

... Привет и наилучшие пожелания нашим любимым труженикам – дяде Абраму, Якову и Мите, брату Яше.

Целую вас много, много раз.

Ваш сын Юлик.».

Следующее твоё письмо датировано 23.02.42 года. Вновь забота о родных, надежда на встречу и сообщение: «... Мы идём вперёд и вперёд...».

Сколько радости в этих строках. Как тебя можно понять. Тревог не убавилось, но начал проявляться просвет. К этому времени состоялось контрнаступление Красной Армии под Москвой (5 декабря 1941 – 7 января 1942 гг.).

Как, спустя десятилетия, будет сообщаться в энциклопедии «Кругосвет», наступательные операции советских войск в декабре сорок первого – апреле сорок второго привели к значительному изменению военно-стратегической ситуации на советско-германском фронте: немцы были отброшены от Москвы, освобождены московская область, часть калининской, орловской и смоленской областей. Произошёл и психологический перелом среди солдат и гражданского населения, укрепилась вера в победу, разрушился миф о непобедимости вермахта.

15 февраля сорок второго года начальник Сухопутных войск Германии на Восточном фронте Франц Гальдер сообщал: «Потери с 22.06.1941 года по 10.02.1942 года сухопутной армии (без больных) составили 945973 человека, то есть 29,56 % всех сухопутных войск на Восточном фронте (3,2 миллиона человек).».

Уверена, Юлик, тебе не были известны эти сведения, но и ты был маленькой частью того, что заставило врага усомниться в своих, как он до этого думал, непобедимых силах. Своим родным же, не желая их тревожить, ты не писал ни о чём, чему сам был свидетелем. В следующем небольшом письме от 19 марта сорок второго года о своих делах, как всегда, ты пишешь кратко и оптимистично, словно и не на войне ты, а где-то рядом, на учёбе, и только маленький отрывок напоминает о времени и обстоятельствах: «... Рад за хорошие вести от дяди Бузи. передайте ему мой сердечный привет. Желаю ему сил, здоровья в ВОЕННОЙ ЖИЗНИ (выделено – авт.)»

Я держу твоё письмо от 22 марта сорок второго года. Оно отличается от всех предыдущих, и мне показалось, что то, о чём в нём пишется, взволновало не только меня, сейчас, но и тебя, когда ты был участником всего этого и когда писал об этом. О чём оно? Напоминаю:

«Дорогие мои, здесь в городе, ещё в сентябре прошлого года я встретил моих знакомых Ганусевич из Винницы, проживающих в доме военнослужащих на улице 9 января. Муся Ганусевич был директором винницкой 23-й школы, сейчас бригадный комиссар. Дочь Нина училась в десятом классе 18-й школы, сейчас она на втором курсе мединститута. Сегодня мне удалось побывать у них дома. Приняли, как сына. Долго беседовали, вспоминали Винницу. Потом угостили чаем. Просили не забывать их и писать, а также передать вам сердечный привет и привет Кушаковским.

Нина во время пребывания Макса (Кушаковского? – авт.) в госпитале заботилась о нём. Сейчас она просит сообщить место пребывания Кушаковских по адресу: г. Сталинград, ул. Коммунистическая, дом 76, квартира 11. Ганусевич.»

Это письмо пришло из самого Сталинграда. В городе относительно тихо. Это позже, 16 августа того же года, немецкие войска развернут наступление на Сталинград, 13 сентября начнутся бои в самом городе. Во второй половине октября – первой половине ноября немцы захватят значительную часть города, однако не смогут сломить сопротивление оборонявшихся.

Так случилось, Юлик, что 22 марта ты написал ещё одно письмо. Тебя будто прорвало. Видно, стало невмочь молчать, и ты пишешь:

«Сегодня, 22 марта, девять месяцев наш советский народ ведёт жестокую, кровопролитную борьбу с немецко-фашистскими ордами, пробравшимися в нашу страну для её порабощения.

Наша любимая Красная Армия громит хвалёные гитлеровские дивизии, освобождая район за районом, город за городом.

Недалёк тот день, когда над временно захваченными территориями опять будут развеиваться красные знамёна, и мы вернёмся в родной край...».

Однако до этого ещё очень далеко, и ты сам, Юлик, это понимаешь и потому 8-го сентября того же года пишешь:

«Дорогие мои, перед нами сейчас стоит очень большая и сложная задача: не допустить врага к (далее два слова плотно зачёркнуты карандашом) . Приказ: «Ни шагу назад!» (далее опять зачёркнута (предполагаю, что пишется о Сталинграде) ... не будет в руках врага»

Вот что ты пишешь в своём очередном письме об этих сражениях:

«Дорогие мои, враг бросает всю свою технику и живую силу, чтоб добиться успеха, уничтожить наши города и жизни... Враг просчитался... Кто может победить наших богатырей? 1. На расчёт противотанковых ружей (2 ружья) из 4 человек надвигалась туча немецких танков. Наши воины дали клятву: не допустим и не пропустим танки врага, а если погибнем, так было написано в боевом листке, - считайте нас большевиками.

В этом неравном бою четыре русских богатыря уничтожили 15 немецких танков и по приказу командования заняли новый рубеж без единой потери.

2. На одну часть немцы бросили в атаку много пехоты при поддержке 100 танков с автоматчиками. С воздуха бомбили 70 немецких самолётов.

И что же? Психическая атака захлебнулась. Вшивые, запятнанные несмываемой на веки кровью, немцы, не солоно хлебавши, отступили, оставив на поле боя 5000 тысяч трупов солдат и офицеров. 30 танков с чёрной свастикой задымились и застыли на месте, остальные повернули обратно.

А вот герои-гвардейцы, артиллерийский полк за год на фронте имеет на своём счету убитыми 27800 солдат и офицеров и несчётное количество уничтоженной техники врага.

Проникнутые сознанием высокой ответственности перед Родиной, воины Сталинградского фронта дали клятву: «Позади Волга, отступать некуда. Будем тверды, как сталь. Умрём, но не попятимся назад...Для того, чтобы врага разгромить, нужно его остановить, отбросить и уничтожить».

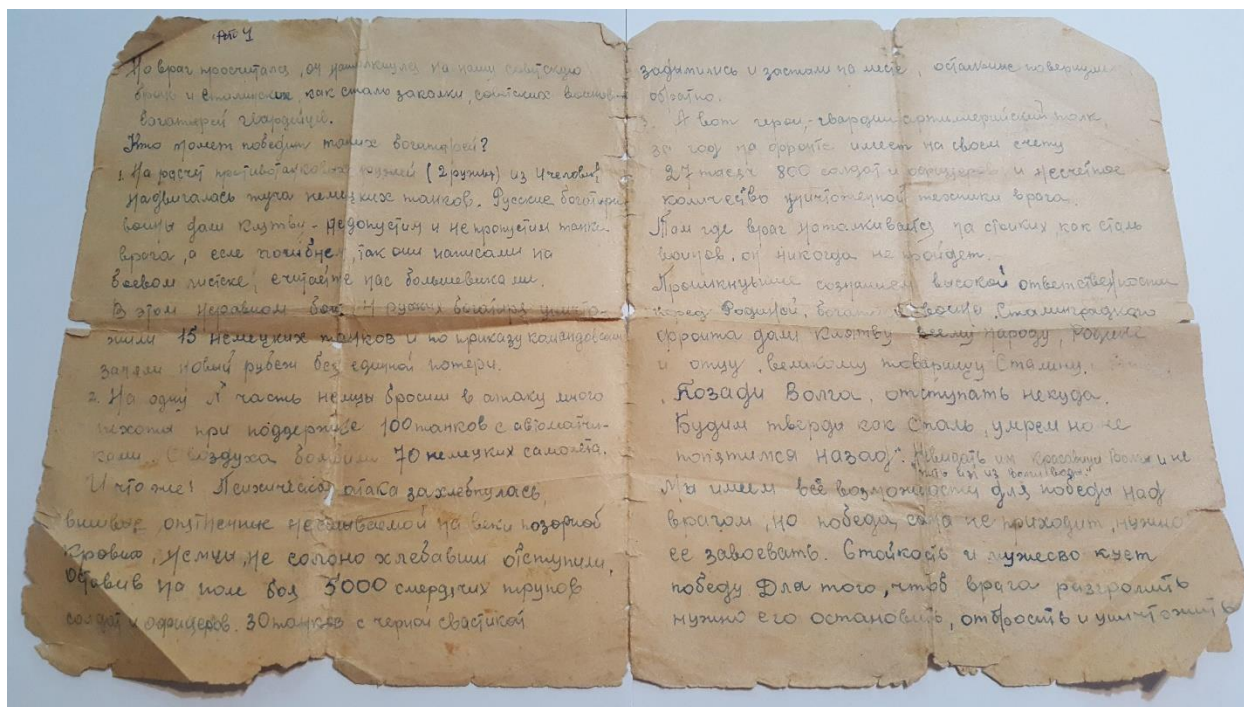

Фото оригинала письма (Денис Краснов)

Наступил критический момент, и, как было принято в военное время, перед решающим боем принимают в КПСС. Ты, Юлик, тоже вступил в партию и сообщил об этом родным и близким, добавив: « если понадобится, отдам и жизнь.»

Каково было узнать об этом родителям? И гордость. И страх от любого непредвиденного стука в дверь. Нетерпеливое ожидание письма и боязнь не обнаружить твой почерк. Можно только предполагать и догадываться об их состоянии.

Между тем, 19 ноября сорок второго года началась битва за Сталинград, которая завершилась победой Красной Армии 2 февраля сорок третьего года. 31 января шестая армия вермахта была рассечена на две части. В тот же день капитулировала южная группировка во главе с Фридрихом Паулюсом, а 2 февраля – северная. В плен попали 91 тысяча человек.

Сталинградская битва стала началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Ты, Юлик, участвовал в этих сражениях.

Однако проходит время, и ты снова пишешь, как всегда, пытаешься успокоить дорогих тебе людей.

22 января сорок третьего года ты сообщаем родителям: «Дела у меня хорошие, всё в порядке. Напишите о здоровье моих дорогих дядей Мите и Бузе, которые находятся на фронте.»

В тот же день ты пишешь письмо и своим родственникам: тёте Броне, Якову и Ириночке. В нём есть и такие строки: «Дела у меня хорошие. Обеспечен всем необходимым. Одет тепло. Очень рад за Якова, что работает и обеспечивает семью. ...Сводки Совинформбюро приносят нам много радости и надежду, что наши мечты о победе над гитлеровскими бандитами сбудутся в этом историческом сорок третьем году, и пожелаем нашему отцу и руководителю тов. Сталину здоровья и сил».

Держу в руках твоё очередное письмо, дорогой Юлик, от 10 февраля сорок третьего года. Очень трудно технически, физически читать его, ибо чернила почти выгорели, но некоторые строки всё-таки просматриваются. Это и поддержка родных, и описание того, как ты рад их весточкам, и как эти вести помогают и поддерживают тебя и не дают расслабляться. Но вот твои строки, которые заставляют вздрогнуть: «Клянусь вам мстить за дядю Абрама и страдания близких...».

Эти строки могут свидетельствовать лишь о том, что дядя Абрам погиб на фронте. Война продолжается, а это значит, что она приносит новые жертвы, не останавливаясь ни перед чем.

Полного текста следующего письма у меня нет, Юлик, но я хочу воспроизвести всё, что ты писал и теперь лежит передо мной:

«Дорогие мои, могу вам писать, что я жив и здоров. Дела у меня хорошие. Всё в порядке.

Не опишу вам, мои дорогие, какую радость приносят мне весточки из дому. Сейчас передо мной лежат два письма, за которые я вас сердечно благодарю. Несомненно, что одно сердце чувствует другое. Заботу, которую вы проявляете к своему сыну, я постараюсь оправдать.

Дорогие мои, я рад, что дома у вас всё благополучно. Нашей жизнью движет общая надежда, что в скором времени мы освободим нашу землю от немецких захватчиков. Эта мечта должна нас заставить не считаться ни с чем для достижения нашей победы.

Каждая новая сводка Совинформбюро, рождая новые победы...»

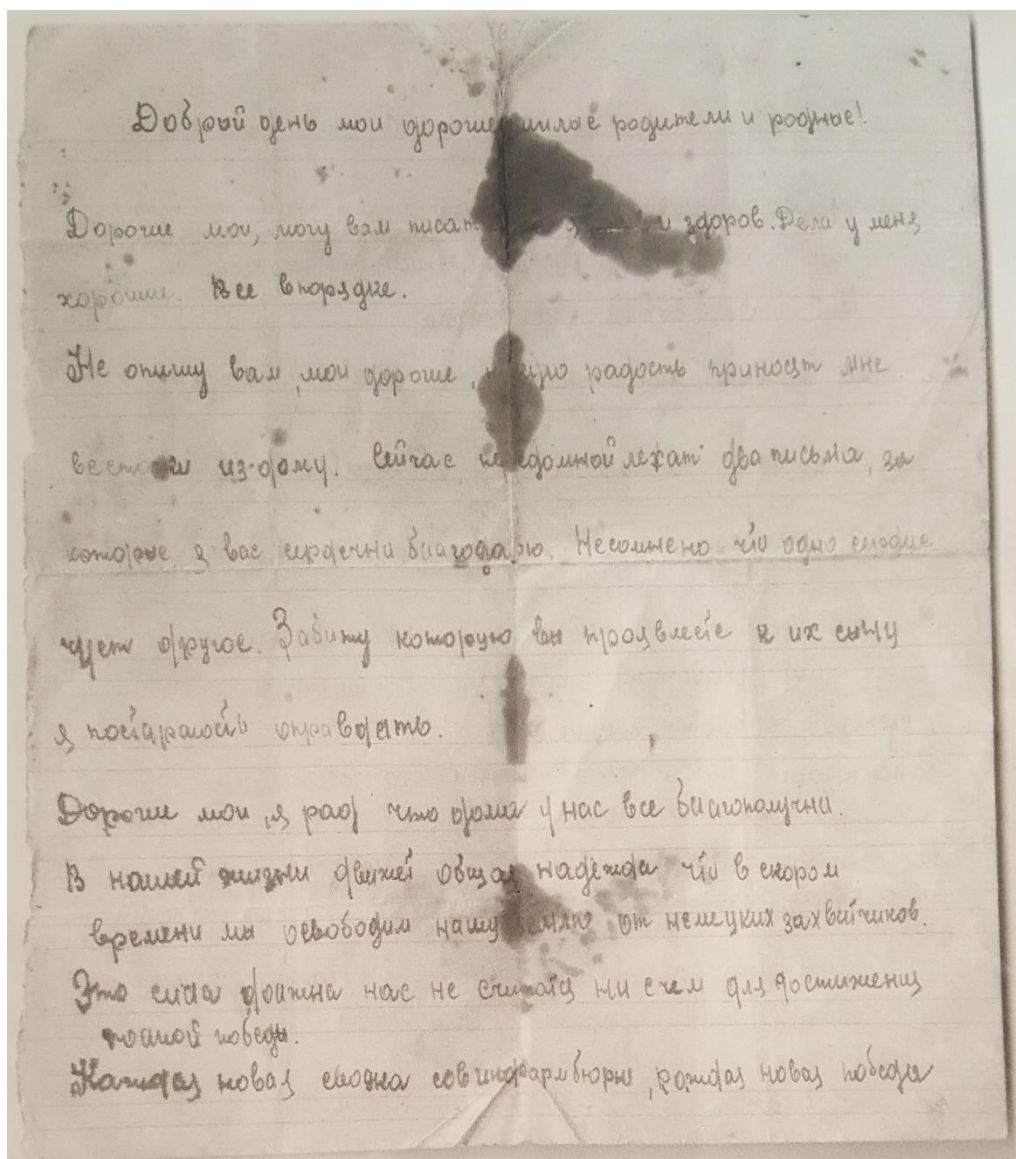

Фото оригинала письма (Денис Краснов)

Всё, Юлик, всё. Всё. Больше у меня нет ничего от тебя ...

... Я вновь перебираю твои письма и возвращаюсь к твоей красноармейской книжке. На ней, на обложке, чьей-то рукой написано: «т. Гуршпун умер 18.06.43 г. в Курской обл, Канашевского р-на, дер. Матвеевка». Внизу – подпись.

В самой книжке сообщается, что всё снаряжение, что тебе было выдано, возвращено. Это свидетельствует о том, что ты никому ничего не должен.

Долгожданная победа, о которой ты так мечтал, придёт, но гораздо позже. Еще много дней пройдёт, прольётся немало крови и несчётное число душ унесёт она. До сих пор ещё не знают, сколько точно.

И всё же, война закончится. Твои родные возвратятся в так горячо любимую тобой Винницу. Позже они поедут к тебе на могилу по указанному адресу. Тебя не найдут там. Местные жители перезахоронили только своих сельчан. На надгробьях написали фамилии. Имен остальных, тех, кто сражался и отдал жизни за их деревню, там нет.

Что я могу сказать тебе ещё, дорогой мой Юлик? Я сроднилась с тобой душой, пока читала твои и писала тебе письмо. Я выжила. Пережила тебя. Когда нашей семье на оккупированной немцами территории удалось бежать из гетто, вначале мы прятались по оврагам, в стогах сена, в лесу - никто из местных не принимал нас. Затем всё-таки нашлись те, кто стал впускать к себе в подполье, в хлев, на чердак, в дом. Немного, но оказались и такие. До войны в нашем городке Ильинцы проживали где-то около пяти тысяч евреев. В живых осталось, по одним сведениям, - 67 человек, по другим – 87.

Пройдя через всё, что выпало на мою долю, низко кланяюсь тебе и таким, как ты, кто перед каждым сражением был готов умереть, спасая Отечество от врага, и в итоге спас и таких, как я. Благодарю тебя за всё.

Спустя годы, твоя младшая сестричка Кларочка выйдет замуж за моего старшего брата Авраама. Их тоже, как и тебя уже нет. Но у них есть дочь Ирина, которая бережно хранит в «торбочке» (укр. – мешочек) твои письма. Она твоя будущая племянница. И моя тоже. А ещё у тебя есть две чудесные внучатые племянницы – Марина и Даночка. Наши с тобой родные.

Очень хотелось бы сказать, что та война, что унесла тебя, многому научила, и в мире покой и тишина. К сожалению, не могу подтвердить этого, не вижу этого. Слишком очевидно, что ничего ещё не кончилось. В мире не перестают бряцать оружием и соревноваться, у кого оно изощрённее.

Что ещё хочу сказать тебе под конец? За годы войны ты возмужал, стал ответственным. Хотя, думаю, ты и был таким. Ты не успел полюбить. В душе ты так и остался ребёнком, не Идель, не Юлий, а мальчик Юлик. Так ты подписывался во всех письмах. Оно и понятно. Ты ушёл из жизни, не достигнув и двадцати одного года – маленький винтик в большой беде и великой Победы, журавлик из журавлиной стаи героев, улетевших в небо. Защищая других, ты отдал свою жизнь без остатка. Улетая высоко-высоко, далеко-далеко, ты не успел проститься со своими родными и близкими, а потому я, сейчас, говорю тебе запоздалое «прощай»...

Светлая память тебе, по тебе и вечная слава...

Лидия Корнеева,
бывшая малолетняя узница гетто,
журналист,
член Союза журналистов СССР.

Март 2019 года.
г. Беер-Шева

Великая война...
Сила и мужество...
Великая война...
Сила и мужество...

В многобории...
ушилось...
Овации...
Формы...
Камни...
Формы...
Камни...

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не выносить и не передавать другим.

1. Фамилия Гуршилин
2. Имя Иван, Отчество Иванович
3. Звание и должность Кры
4. Наименование части (учреждения) Дивизия
5. Наименование подразделения (батальон, рота) 89 рота 3-бна
6. № личного знака

Личная подпись владельца книжки И. Гуршилин

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 10 Крассов
3. Национальность Украин
4. Год рождения 1925
5. Год призыва (указать также - нормальный или досрочный призыв) 1940
6. Каким военкоматом призван Зинин
7. Специальность до призыва Углубитель

3

У каждого человека есть своё имя

Тем же ударом по врагу...
двух...
возраст...
1942 исторический...
Сталинград...
Небеса...
Формы...
Камни...
Формы...
Камни...

КАЛОВ
ул. Малышевская 9. № 8
Гуршилин И.
Сталинград 5 1/3 135 В/ч НКВД
И. Гуршилин

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ
КНИЖКА